

Время автоматов

Борис ГОЛДОВСКИЙ. Фото предоставлено автором

Всякое время создаёт собственный образ. И каждой эпохе соответствует своя система театральных кукол. Было время марионеток и время перчаточных кукол-петрушек, периоды теневых фигур и периоды тростевых и планшетных кукол... В ходе истории то одна, то другая технологическая система становится образом своего времени не только в театральном искусстве, живописи, литературе, но и в жизни всего общества.

Если на рубеже XVII и XVIII веков Генрих фон Клейст мог с уверенностью сказать, что «человек просто не в силах сравняться с марионеткой и лишь боги могут тягаться с материей на этом поприще», то чуть позже его земляк Эрнст Теодор Амадей Гофман образом своего времени сделал уже механическую куклу-автомат – «памятник то ли омертвевшей жизни, то ли ожившей смерти».

Через несколько лет механическая кукла отойдёт на второй план, а в России наступит эпоха балаганного петрушки, которая продлится до Серебряного века – времени марионеток (образ подвешенной на нитях куклы обычно возникает, когда общество становится особенно нестабильным). Марионетка явилась овеществлённой метафорой в тревожном, непредсказуемом мире, предчувствием приближающейся катастрофы. Может, и прав был Клейст, утверждавший, что «чем туманнее и слабее рассудок в органическом мире, тем блистательнее и победительнее выступает в нём грация марионетки?»

После Октябрьской революции эфемерная, меланхоличная пора марионеток вновь сменилась временем петрушки – перчаточной куклы с дубинкой наперевес, с принципиально иными, чем у марионетки, пластикой и речью: «Красноармейский Петрушка», «Санитарный Петрушка», «Кооперативный Петрушка», «Осоавиахимовский Петрушка»...

В 1940-е пришло время образцовских кукол на тростях – не таких брутальных, как петрушка, способных в сценической игре и к быту, и к романтике. В конце советской оттепели 1960-х годов появились планшетные куклы – чем-то похожие на марионеток с оборванными нитями...

На рубеже XX–XXI веков наступает эпоха автоматов. Образ механических кукол и роботов повсеместно тиражируется, всё чаще возникает в телевизионной и уличной рекламе, в детских куклах-игрушках, становится центральным в кино и театре. «Воображаю себе, – писал два столетия назад Гофман, – что можно, встроив внутрь фигур искусный механизм, научить их ловко и быстро танцевать... разве ты выдержал бы такое зрелище хотя бы одну минуту?» В наше

время фантазии писателя сбываются.

Несколько лет назад в Театре Наций в рамках фестиваля «Другой театр из Франции» с успехом был представлен балет французского режиссёра Орельена Бори (физика по образованию) «Беспредметно», в котором главную роль исполнил промышленный полутонотонный робот, ранее собиравший автомобили. «Исполнителя главной роли в спектакле я купил по акции на распродаже стареньких ботов, – рассказывал постановщик. – Мы сделали ему новейшую программу, и он стал плясать на сцене».

Художественные опыты на пересечении high-tech и low-tech ведут многие деятели искусства. В 1996 году свою первую электронную куклу-автомат для канадского театрального режиссёра Дени Марло Denis Marleau выполнил художник Завен Паре Zaven Paré, а в 1999 году его управляемые с пультов куклы оживили в Калифорнийском институте искусств. В 2002 году он создал и аналоговую версию своих дистанционно управляемых электронных марионеток.

Мир сценических кукол-автоматов стремительно расширяется. Ярким примером этого процесса может служить спектакль Аурелии Иван Aurelie Ivan Android [Homo Urbanicus #1] (театр TSARA, Франция), навеянный идеями Фридриха Ницше и известного социолога Славоя Жижека. На сцене два персонажа действуют в состоянии активного конфликта: Андроид и Человек на равных спорят о парадоксах стоящего на грани катастрофы человечества.

Отношения человека и робота посвящены два любопытных спектакля, поставленных в университетском театре Осаки. Так, в спектакле «Я, работник» (режиссёр Ориза Хирата) главные дей-

Механический Лев Леонардо да Винчи. Вероятно подобный же был в Коломенском дворце времен царя Алексея Михайловича. Россия

Мальчик, играющий с мыльными пузырями. Германия, первая четверть XIX в.

Шарманка работы Игнац Брузиуса Брудера, Германия, начало XIX в.

«Тигр Типу» – механическая игрушка XVIII в., созданная для султана княжества Майсур. Индия. В теле тигра есть небольшой музыкальный орган с 18 клавишами

ствующие лица – два робота-андроида, один из которых вдруг заявляет, что ему скучно заниматься унижительным трудом домработницы, и вступает в дискуссию с людьми – обычной семейной парой. Сюжет другого спектакля этого же театра построен на том, что главный герой, который приобрёл слугу-робота, неожиданно понимает, что и с роботом необходимо строить полноценную систему человеческих взаимоотношений. Работа японского режиссёра с большим интересом была воспринята в Москве на фестивале «Японская осень 2013» на сцене театра «Школа драматического искусства», где был показан его спектакль «Три сестры. Андроид-версия». Действие перенесено в маленький провинциальный японский городок. По сюжету, отец сестёр, который умер несколько лет назад, был создателем роботов-андроидов. Роль младшей дочери Икуми исполняет андроид Geminoid F, в роли дворецкого Мураоки – робот Robovie R3. По мнению министра-советника посольства Японии в России Котаро Оцуки, «своеобразный микс чеховских мотивов и передовых технологий Японии» стал одним из самых необычных и интересных событий фестиваля. Кстати, на программирование роботов ушло столько же времени, сколько и на репетиции с живыми актёрами. «Я иногда и сам путаюсь, кто где», – шутил Ориза Хирата.

Широкую популярность приобрели спектакли с участием роботов и в театре Варшавского центра науки «Коперник», где показывают ежедневно с полным аншлагом по десять спектаклей «Принц Феррикс и принцесса Кристалл» по мотивам рассказа Станислава Лема (романтическая история любви робота-мужчины и робота-женщины). Автоматоны для него около полугода создавали в Великобритании, и ещё несколько месяцев ведущие польские актёры озвучивали и адаптировали их для сцены. Эти персонажи мало двигаются, зато органично жестикулируют и обладают выразительной подвижной мимикой.

Среди множества примеров наступающего времени автоматов и несколько спектаклей израильского режиссёра Амица Дрори в Train Theater (Иерусалим), где традиционные театральные куклы сочетаются с механическими куклами-автоматами

В подобном направлении в России успешно работает Владимир Захаров

из Томска со своим театром живых кукол «Два плюс Ку». Причем в отличие от своих зарубежных коллег, часто подчеркивающих внешнюю технологичность играющих автоматов, Захаров использует природные формы и материалы. Его самодвижущиеся куклы внешне не отличаются от привычных нам образов: это шаржированные бытовые персонажи и герои народных сказок: домовой, леший, бабушка-кассирша.

Автоматоны выступают на улицах и концертных площадках. Есть успешные роботы-дирижёры, андроиды-музыканты: скрипачи, пианисты и трубачи. Они озвучивают мультсериалы, в качестве аниматоров и гидов работают в США, Испании, Италии, Франции, Германии, Саудовской Аравии и Австралии.

Время автоматов – не только отражение сегодняшнего дня в «кукольном зеркале», но и логичный результат развития авторского театра, где режиссёр – единственный творец задуманной и сконструированной им «художественной машины». Как тут не вспомнить Таирова, который в своей дискуссии с Мейерхольдом писал, что «для окончательной победы авторскому театру остаётся только одно средство: заменить артистов куклами на пружинах со вставленным внутрь граммофоном».

В связи с этой тенденцией Московский государственный театр кукол и продюсерская компания Play&Play приступили к организации в 2017 году первого международного театрального фестиваля Robottheatre, который должен пройти на сценических и выставочных площадках, улицах и площадях Москвы, Санкт-Петербурга и Казани. В рамках фестиваля также состоятся музейно-выставочные показы механических кукол, театров автоматов, автоматонов и роботов XVIII–XXI веков.

Впрочем, и время автоматов не бесконечно. Эта эпоха так же, как и другие подобные ей, продлившись несколько десятилетий, неизбежно уступит место иному кукольному образу. Какому – будет зависеть от обстоятельств. А пока скажем одно: это будет «время Z»...

Механический рыцарь Джованни Торриани XVI-XVII вв.

Афиша шахматных сеансов «Турка-Шахматиста» Вольфганга фон Кемпелена в руке Рука «Пишущего мальчика» Пьера Жаке Дро. Швейцария XIX в.

The Age of Automatons

Boris GOLDOVSKY. Photos courtesy of

EVERY AGE CREATES ITS OWN IMAGE. AND EVERY ERA HAS ITS OWN SYSTEM OF THEATRE PUPPETS. THERE WAS A TIME OF MARIONETTES AND A TIME OF PETRUSHKA GLOVE-PUPPETS, PERIODS OF SHADOW PUPPETS AND PERIODS OF ROD AND JIGGING PUPPETS... IN THE COURSE OF HISTORY, ONE OR ANOTHER TECHNOLOGICAL SYSTEM BECOMES THE IMAGE OF ITS TIME NOT ONLY IN THEATRE ART, PAINTING AND LITERATURE, BUT IN THE LIFE OF SOCIETY AS A WHOLE.

If, at the turn of 17th and 18th centuries, Heinrich von Kleist could say with certainty that “it is impossible for man to come anywhere near a puppet and only a god can equal inanimate matter in this respect”, some time later his fellow countryman Ernst Theodor Amadeus Hoffmann made a mechanical automaton puppet the image of his time – “a monument to dead life or reanimated death.”

Several years later the mechanical puppet would fade into the background, and Russia would enter the era of Petrushka booths, which would last until the Silver Age – the time of marionettes (the image of a puppet on strings usually appears when the society becomes especially unstable). The marionette became an embodied metaphor in a troubled, unpredictable world, the foreboding of an impending disaster. Maybe Kleist was right when he claimed that “in the organic world, as thought grows dimmer and weaker, grace [of a marionette] emerges more brilliantly and decisively”?

Following the October Revolution, the ephemeral, melancholy age of the marionettes was replaced once again with the age of Petrushka – a glove puppet with a club at the ready, with plasticity and speech that are fundamentally different from a marionette: “Red Army Petrushka”, “Petrushka the Medic”, “Cooperative Petrushka”, “Petrushka of the Osoviakhim”...

The 1940s brought in the age of Obraztsov's rod puppets – not as brutal as Petrushka, capable of presenting both the everyday life and romance in their stage performances. The end of the Soviet Thaw period of the 1960s saw the appearance of jiggling puppets that resembled marionettes with torn strings...

The turn of the 20th and 21st centuries marks the age of automatons. The image of mechanical puppets and robots is widely disseminated; it appears more and more often in television and street advertisements, in children's toy dolls, becomes central in cinema and theatre. “I could imagine,” wrote Hoffmann two centuries ago, “that it might be possible to enable figures to dance gracefully by means of a secret mechanism within them... Could you watch this for one minute without

horror?” The author's fantasies are coming true in our time.

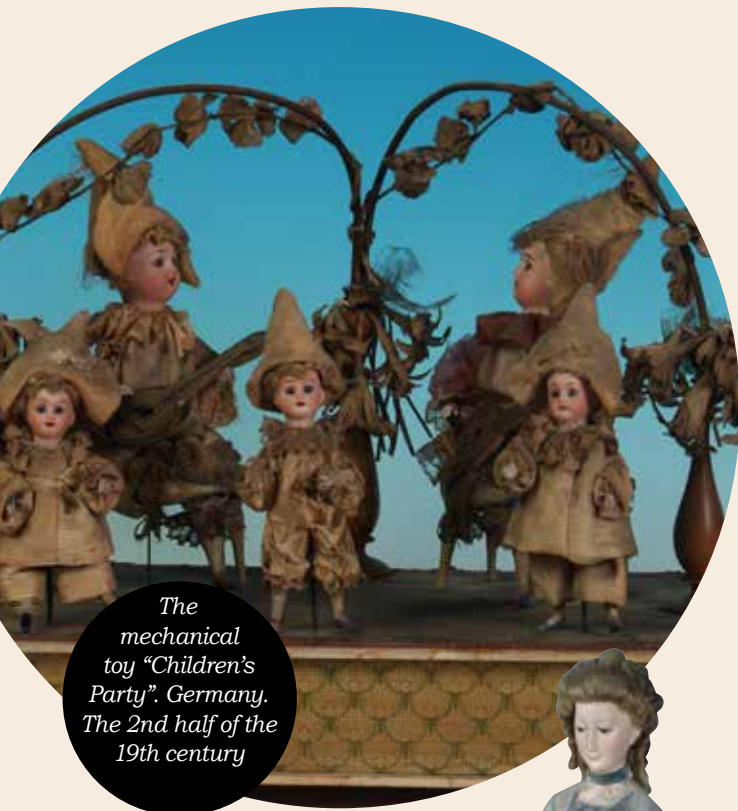
Several years ago the Theatre of Nations ran a successful production of the ballet “Sans Objet” (“Pointless”) by French director Aurélien Bory (a physicist by training). The ballet was shown as part of the Another Theatre from France festival and the lead role in it was performed by an industrial one-and-a-half-ton robot that was previously used to assemble cars. “I purchased the lead performer in our production at a used robots sale event,” said the director. “We gave it a brand new program, and it began dancing on stage.”

Many people of art conduct artistic experiments at the intersection of high-tech and low-tech. In 1996, artist Zaven Paré created his first electronic automaton puppet for Canadian theatre director Denis Marleau, and in 1999 his remote controlled puppets came alive at the California Institute of the Arts. In 2002, he also created an analogue version of his remote controlled electronic marionettes.

The world of stage automaton puppets is growing by leaps and bounds. A production

Nativity Scene. Krakow, Poland. 19th century

The mechanical toy "Children's Party". Germany. The 2nd half of the 19th century

of "Android, Homo Urbanicus #1" by Aurelie Ivan (TSARA theatre, France), inspired by the ideas of Friedrich Nietzsche and a famous sociologist and cultural specialist Slavoj Žižek can be viewed as a prime example of that process. Two characters on stage are operating in a state of active conflict: Android and Human are arguing on equal terms over the paradoxes of humanity that's standing on the verge of disaster.

Two interesting productions staged by the Osaka University Theatre are dedicated to the relationship between man and robot. Thus, in the production of "I, Worker" (director Oriza Hirata) the main cast of characters consists of two android robots, one of whom suddenly announces that he is bored of doing the demeaning work of a housekeeper and gets into an argument with humans – a regular married couple. The plot of another production by this same theatre is built around the protagonist, who acquired a robot servant and suddenly realizes that he needs to build a full-fledged system of human relations with the robot. The Japanese director's work was received with great interest in Moscow at the 2013 Japanese Fall Festival on the stage of the School of Dramatic Art Theatre that presented his production of "Three Sisters. Android Version." The action is moved to a small provincial Japanese town. In the story, the sisters' father, who died several years ago, was creating android robots. The part of the youngest daughter Ikumi is performed by android Geminoid F, the part of butler Muraoka – by robot Robovie R3. According to Kotaro Otsuki, counselor-minister of the Japanese Embassy in Russia, "the unique mixture of Chekhov's themes and Japanese state-of-the-art technologies" became one of the festival's most unusual and interesting events. Incidentally, it took as much time to program the robots as it did to rehearse with real life actors. "Even I sometimes get confused about which is which," joked Oriza Hirata.

Productions featuring robots became widely popular at the Copernicus Science Centre theatre in Warsaw, where they have ten performances daily of "Prince Ferrix and Princess Crystal" based on a story by Stanislaw Lem (a romantic love story of a male and female robot), each time playing to sold out audiences. The automatons

for that production were made in Great Britain; the whole process took about six months, and it took several more months for leading Polish actors to provide voices for them and adapt them for stage. These characters don't move much, but they have organic gestures and eloquent, lively facial expressions.

The numerous examples of the coming age of automatons include several productions by Israeli director Amit Drori at the Train Theatre (Jerusalem), where traditional theatre puppets are matched up with mechanical automaton puppets.

Vladimir Zakharov of Tomsk with his live puppet theatre "Two Plus PU" is working in a similar direction in Russia. Moreover, unlike his foreign colleagues, who frequently emphasize the external workability of the performing automatons, Zakharov uses natural forms and materials. His self-propelled puppets do not differ outwardly from the images we are accustomed to: these are the caricatured everyday characters and characters from folk tales: a house spirit, a wood spirit, an old cashier lady.

Automatons perform on the streets and at concert venues. There are successful robot conductors, android musicians: violinists, pianists and trumpeters. They provide voices for cartoon series, they work as animators and guides in the US, Spain, Italy, France, Germany, Saudi Arabia, and Australia.

The age of automatons is not only a reflection of today in a "puppet mirror", but also a logical outcome of the development of the author's theatre, where the director is the only creator of the "artistic machine" that he invented and constructed. How can one not remember Tairov here, who wrote in his discussion with Meyerhold that "in order to achieve final victory, the author's theatre only needs to do one thing: replace actors with puppets on strings with a built-in gramophone inside them."

In connection with that tendency, Moscow's State Puppet Theatre and the Play&Play Production Company took charge of organizing the first international Robottheatre theatre festival that is slated to take place in 2017 on stage and exhibition venues, streets and squares of Moscow, Saint Petersburg and Kazan. Museum and exhibition displays of mechanical puppets, theatre automatons and robots of the 18 th–19 th centuries will

also be presented as part of the festival.

Admittedly, though, the age of automatons does not last forever either. This era, like those similar to it, will last for a few decades and inevitably make way for another puppet image. Circumstances will determine which one. For now, let's say this: it will be "the age of Z"...

The 18th century engraving on automata by Pierre Jaquet-Droz

"The Musician". Automaton by Pierre Jaquet-Droz. Switzerland, 18th century

Automaton "Magician" device. The 1st half of the 19th century. Germany

Bruder street-organ device. 19th century